

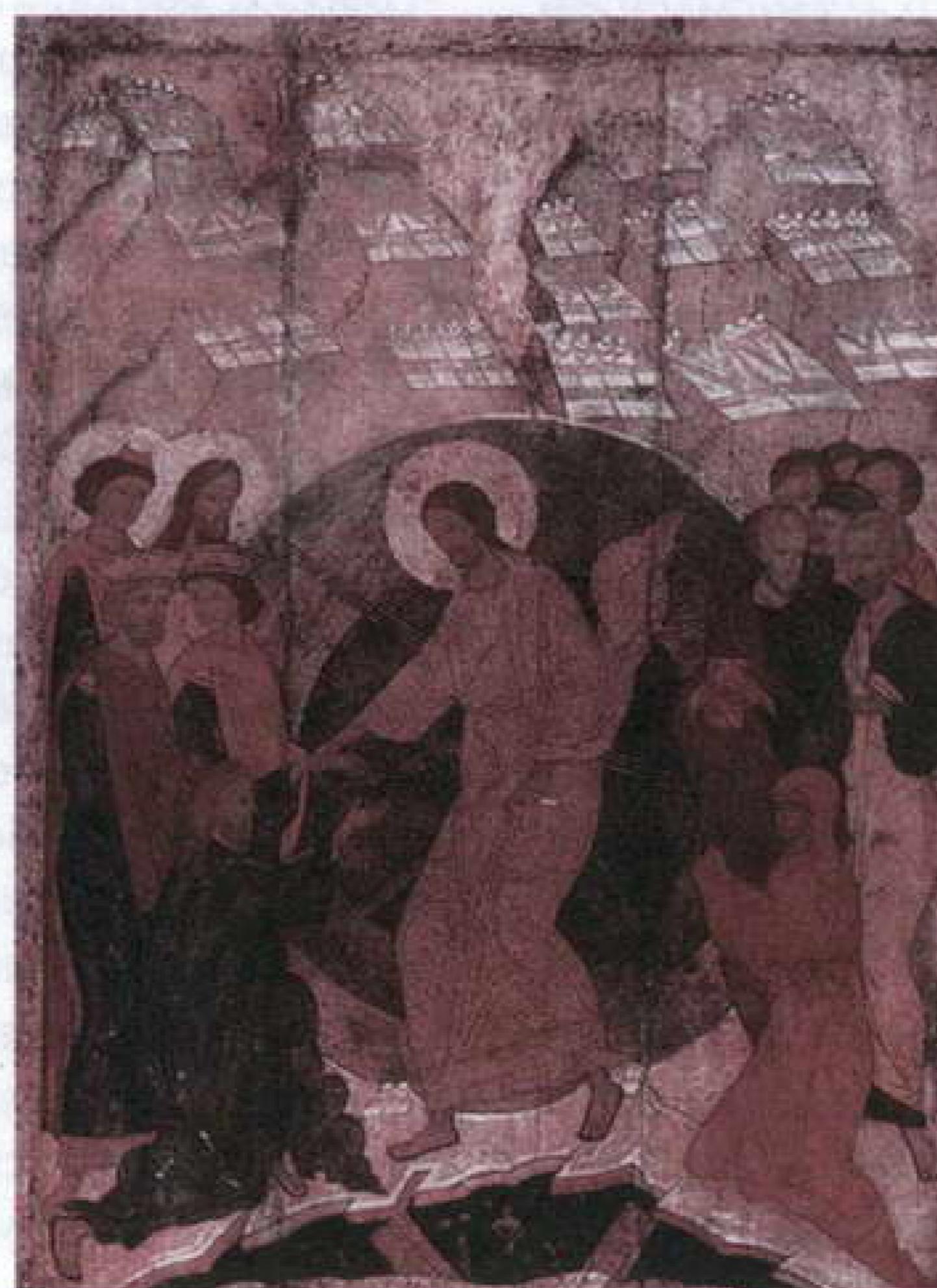
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. Слово на Святую Пасху. <i>Авва Дорофей</i>	1
2. Литературная страница. Светлое Воскресение. <i>Н.В. Гоголь</i>	3
3. Летопись единоверческой жизни	8
4. Древнерусское благочестие. Жизнеописание преподобной Анны Кашинской	13
5. «Путь на Голгофу». Жизнеописание свщмч. Симона епископа Охтенского. <i>Н. Зимина</i> ..	18
6. Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в апреле 2009 года	24

Летопись единоверческой жизни

АВВА ДОРОФЕЙ. СЛОВО НА СВЯТУЮ ПАСХУ

В ДРЕВНОСТИ сыны Израилевы во время праздников или торжеств приносили Богу по закону дары: жертвы, всесожжения, начатки и подобное тому. Сыны Израилевы совершили на Пасху, когда исходили из Египта. Ныне же душа совершает Пасху, когда исходит из Египта мысленного, то есть греха, и переходит от порока к добродетели. Ныне – Пасха Господня, день светлого праздника, день Воскресения Христа, распявшего грех на Кресте, умершего за нас и воскресшего. Принесем же ныне и мы Господу дары, жертвы всесожжения, но не из бессловесных живот-

«Сошествие во ад».
Икона XV века. Средиземноморье

ных, которых Христос не принимает: ибо жертвы и приношения бессловесных Он не восхотел и о всесожжении тельцов и овнов не благоволил (Пс. 39, 7; Евр. 10, 6, 8). Поскольку Агнец Божий за Klan был за нас, по слову Апостола: «Пасха наша за ны пожрен бысть Христос» (1 Кор. 5, 7), «да возьмет грех мира, и соделался за нас клятвою (как написано: проклят всяк ви-сяй еа древе), да искупит нас от клятвы законныя, да всыновление восприимем (Гал. 3, 16; 4, 5), то и мы должны принести в дар от себя то, что угодно Ему».

Какой же дар или какую благоугодную Христу жертву мы можем принести в день Воскресения, если Он не хочет жертвы из бессловесных животных? «Принесем, как некий плод, самих себя».

Так и говорит святой Апостол: представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше (Рим. 12, 1). А как мы можем принести тела свои Богу в жертву живую и святую? Не исполняя более воли плоти и помыслов наших (Еф. 2, 3), но поступая по духу, так же и не исполняя вожделений плоти (Гал. 5, 16): ибо это и значит умерщвлять уды наша яже на земле (Кол. 3, 5). Такая жертва называется живою. Бессловесная жертва, когда возносится на жертвенник, умирает; а святые, приносящие себя Богу, живые ежедневно закалают себя. Как говорит святой Давид: «Зане Тебе ради умерщвляемы весь день, вменихомся яко овца заколения» (Пс. 43, 23).

Итак, принесем самих себя в жертву: подражая всем святым, будем каждый день умерщвлять самих себя для Христа Бога нашего для Того, Который умер за нас.

Каким же образом святые умерщвляли себя? Они не любили мира, ни того, что в мире, но, отрекшись от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской (1 Ин. 2, 15), то есть сластолюбия, сребролюбия, тщеславия, – взяли крест и последовали Христу, распяли себе мир и себя миру (Гал. 6, 14). О них говорит Апостол: а иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Вот как святые умерщвляли себя.

А как они приносили себя в жертву? Живя не для себя, но поработив себя заповедям Божиим и оставив свои пожелания, ради заповеди и любви к Богу и ближнему. Как сказал святой апостол Петр: се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом (Мф. 19, 27). Апостол не имел ни денег, ни имущества, ни серебра, ни золота (имел одну сеть, и ту ветхую, как заметил святой Иоанн Златоуст) и, однако же, оставил все – то есть все свои пожелания, всякое пристрастие к сему миру, так что если бы он имел деньги или богатство, то, очевидно, презрел бы и их и, взявши крест, последовал бы

Христу, по реченному: живу же не к тому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Вот каким образом святые приносили себя, как некий плод! Они умерщвляли в себе привязанность к миру и жили для одного Христа и Его заповедей.

Так и мы принесем в жертву самих себя: ибо нас хочет Бог, как драгоценнейшее стяжание Свое. Поистине человек драгоценней всех видимых тварей: ибо Создатель привел их в бытие словом Своим, сказав: да будет сие – и бысть; да изведут воды и тому подобное (Быт. 1, 3, 11, 20); человека же Бог образовал и украсил Собственными руками. Притом все устроил Творец для пользы и служения человеку, а его самого поставил царем над всем и дал ему наслаждаться райским блаженством. А что еще удивительнее – когда земнородный пал через свой грех, Бог опять восстановил его Кровию Единородного Сына Своего.

Итак, человек воистину есть самое драгоценное стяжение Божие, и не только самое драгоценное, но и самое близкое, свойственное Богу, ибо сказано: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и еще: сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его (Быт. 1, 26, 27; 2, 7). И Сам Господь наш, нисшедши к нам, принял образ Человека – тело и душу человеческие, кратко сказать: соделался Человеком по всему, кроме греха, а через это еще более уподобил Себе человека и, так сказать, сделал его Своим.

«Воздадим же Образу сотворенное по образу». Как это? Святой Апостол говорит: очистим себе от всякие скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1), то есть соделаем образ наш столь же чистым, каким получим его: сотрем с него греховную нечистоту, дабы открылась красота его добродетелей. Итак, возродим в себе образ Божий; ибо Бог требует от нас представить сей образ не имеющим ни пятна, ни покрова, ни чего-либо подобного (Еф. 5, 27), каковым и даровал его.

«Возвратим Образу сотворенное по образу»: познаем свое достоинство, вспомним, по Чьему Образу мы сотворены, не забудем великих благ, дарованных нам от Бога единственно по милости Его.

«Почтим первообраз»: да не запятнаем образ Божий, по которому мы созданы. Кто, намереваясь написать царское изображение, осмелился употребить негодные краски и тем нанести царю бесчестие и на себя навлечь наказание? Напротив, он употребит краски драгоценные, сияющие, подчеркивающие царское достоинство; использует даже золото и постарается все царские одеяния выписать столь искусно, что каждый, глядя на прекрасную картину, представит себе и величие самого царя.

Так и мы, созданные по образу Божию, не будем обезображивать своего Первообраза. Ибо если обесчестивший изображение царя земного подвергается наказанию то, что должны потерпеть мы, извратившие в себе Божественный образ и не возвращающие его в чистоте?

«Итак, почтим Первообраз, уразумев силу таинства и то, за кого Христос умер». Сила таинства смерти Христовой такова. Поскольку мы грехом помрачили в себе образ Божий и через падение и грехи соделались мертвыми, как говорит святой Апостол (Еф. 2,1), то Бог, сотворивший нас по образу Своему, умилосердившись над Своим созданием и Собственным образом, соделался нас ради Человеком и поднял смерть за всех, дабы нас, мертвых уже, возвести к жизни. Он Сам, восшедшши на Святой Свой Крест и распявшись на нем тот грех, за который мы были изгнаны из рая, пленил плен, как сказано в Писании (Пс. 67, 19; Еф. 4, 8). Что значит: пленил плен? То,

что со времени преступления Адама враг пленил нас и держал в своей власти, так что души человеческие при разлучении с телом отходили в ад, ибо рай был для нас заключен. Когда же Христос Господь восшел на высоту Святого и Животворящего Креста, то Он Свою Кровию избавил нас из плена, исхитил из руки врага и, победив и низринув пленившего нас, пленил нас себе, так сказать, обратно. Потому и говорится в Священном Писании, что Господь пленил плен.

Вот его сила таинства: Христос умер за нас для того, чтобы нас, умерщвленных, возвести к жизни!

Таким образом, человеколюбием Христа мы исхищены из ада, и теперь от нас самих зависит восхождение в рай. Ад уже не владычествует над нами, как прежде, и не содержит нас у себя в рабстве.

Однако не будем, братья, беспечны: сохраним себя от греховных действий. Всякое добровольное греховное действие ввергает нас опять во власть ада, предает ему и порабощает. Но не стыд ли и не великое ли это бедствие, если мы, после того как Господь Иисус Христос избавил нас из ада Свою Кровию, и мы это знаем, — вдруг опять сами себя ввергнем в ад? Не достойны ли мы в таком случае еще более сильного и жесточайшего наказания?

Человеколюбец Бог да помилует нас и да подаст нам неусыпное тщание разуметь все это и помогать самим себе, дабы обрести нам хотя малую милость! Аминь.

Литературная страница

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ. СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней — те же всегдашние занятия,

та же вседневная жизнь, то же будничное выраженье на лицах, он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не по-

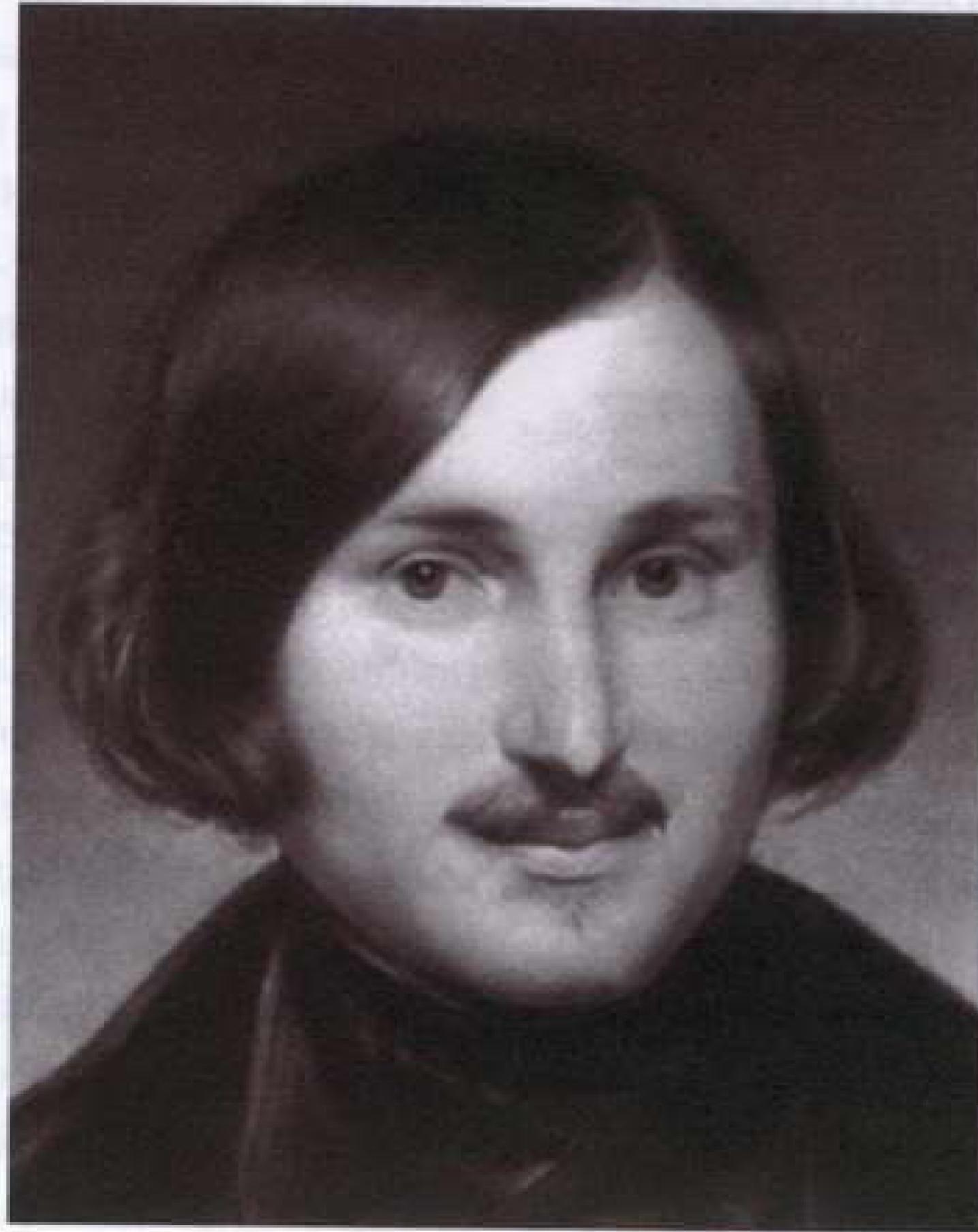
вседневная. Ему вдруг представится — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье «Христос воскресе!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, этот поцелуй, который только раздается у нас, — и он готов почти воскликнуть: «Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!» Разумеется, все это мечта; она исчезает вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полуночной беготни и суеты, пустых визитов, умыщленных незаставаний друг друга, наместо радостных встреч, — если ж и встреч, то основанных на самых корыстных расчетах; что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, и говорят не о воскресении Христа, но о том, кому какая награда выйдет и кто что получит; что даже сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадается на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли. Вздохнет бедный русский человек, если только все это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: «У нас все есть: и семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой ис-

полняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивление всем».

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильней! Еще больше! Поэтому что узы, нас с ним связывающие, сильней земного кровного нашего родства, и породились мы с ним по нашему прекрасному Небесному Отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы — в своей истинной семье, у него самого в дому. День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека.

Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счаствии человечества сделались почти любимыми мыслями

всех, когда обнять все человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека, когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество, как воззвыть внутреннее достоинство человека, когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христианство в силах это произвестъ, когда стали утверждать, что следует ближе ввести Христов закон как в семейственный, так и в государственный быт, когда стали даже поговаривать о том, чтобы все было общее — и дома, и земли, когда подвиги сердоболия и помощи несчастным стали разговором модных гостиных, когда, наконец,

Н. В. Гоголь

стало тесно от всяких человеколюбивых заведений, странноприимных домов и приютов. Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспраздновать этот день, который так по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движеньям! Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не в деле. И если в самом деле придется ему обнять в этот день своего брата, как брата, он его не обнимет. Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, страждущий видней других тяжелыми язвами своих душевых недостатков, больше других требующий состраданья к себе, — он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза. Вот какого рода объятие всему человечеству даст человек нынешнего века, и даст его именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, на место того, чтобы призвать его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!

Нет, не воспраздновать нынешнему веку светлого праздника так, как ему следует воспраздноваться. Есть страшное препятствие, есть непреоборимое препятствие, имя ему — гордость. Она была известна и в прежние века, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала

теперь. Теперь явились она в двух видах. Первый вид ее — гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучше других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. Стоит только прислушаться к тем оправданьям, какими он оправдывает себя в том, что не обнял своего брата даже в день Светлого Воскресения. Без стыда и не дрогнув душой, говорит он: «Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой, он запятал себя бесчестнейшим поступком; я не пущу этого человека даже в переднюю свою; я даже не хочу дышать одним воздухом с ним; я сделаю крюк для того, чтобы обехать его и не встречаться с ним. Я не могу жить с подлыми и презренными людьми — неужели мне обнять такого человека как брата?» Увы! Позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое. Все разом и вдруг им позабыто: позабыто, что, может быть, затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянувши на них, взглянул он на себя и поискав бы в себе того же самого, чего так испугался в других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, в виде, не пораженном публичным позором, но которое однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Все позабыто. Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренье! Бог весть, может быть, иной совсем был не рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи

и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевной, поддержал бы ее на краю пропасти. Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогой любви было трудно достигнуть к его сердцу! Будто уже до того окаменела в нем природа, что никакое чувство не могло в нем пошевелиться, когда и разбойник благодарен за любовь, когда и зверьпомнит ласкавшую его руку! Но все позабыто человеком девятнадцатого века, и отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы не поразилось обоняние его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханием чистоты своей. Такому ли человеку воспраздновать праздник небесной любви?

Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, — гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы. Он позабыл и то, что нет всех сторон ума ни в одном человеке; что другой человек может видеть именно ту сторону вещи, которую он не может видеть, и, стало быть, знать того, чего он не может знать. Не верит этому, и все, чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смиренья не

может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усомнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усомнится, но не усомнится в своем уме. Уже ссоры и браны начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей — нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противоречий в мире мысленном. Уже образовались цепные партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие и уже друг друга ненавидящие. Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованьем выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного убеждения из-за того только, чтобы не уступить противной партии, из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке — уже одна чистая злоба воцарила наместо ума.

И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех людей в одну семью? Ему ли услышать благоухание небесного братства нашего? Ему ли воспраздновать этот день? Исчезнуло даже и то наружно добродушное выраженье прежних простых веков, которое давало вид, как будто бы человек был ближе к человеку. Гордый ум девятнадцатого века истребил его. Диавол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе еще никогда не давались, и мир это видит и не смеет ослушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале че-

ловек как мелочь, как невинное дело и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступить несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку? Что значат эти так называемые бесчисленные прилиния, которые стали сильней всяких коренных постановлений? Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных, — посторонние, побочные влияния? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значит все незаконные эти законы, которые, видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святые обычаи церкви, Небесный Хозяин которой не имеет над нами власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глупше и глупше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувшись всеми, уходит как незнакомый и чужой всем? Всем ли точно он незнаком и чужд? Но зачем же еще уцели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, то младенчество, от которого небесное лобзанье, как бы лобзанье весной, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество и как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно

еще шевелит нашу душу? Зачем все это и к чему это? Будто неизвестно зачем? Будто не видно к чему? Затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу на небе. И, завопив раздирающим сердце воплем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях вечного века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает велико-душного, все ему простишего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насилино заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сбrosиться с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.

Но и одного дня не хочет провести так человек девятнадцатого века! И непонятной тоской уже загорелася земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, молчали повсюду, Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит, в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «Христос воскресе!» — и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но ожидают в духе. Померкают временно,

умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, разозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник Светлого Воскресения воспразднуется как следует прежде у нас, чем у других народов! На чем же основываясь, на каких данных, заключенных в сердцах наших, опираясь, можем сказать это? Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. «Хуже мы всех прочих», – вот, что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, – доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровно-

го братства, что еще нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреоборимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросив с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнующее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресения Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других. И твердо говорит мне это душа моя, и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внущеньем Божиим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Святое Воскресение Христово!»

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

СЕКЦИЯ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЛОНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» XVII МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

17 ФЕВРАЛЯ 2009 г. в четвертый раз состоялось заседание секции «Старый обряд в жизни РПЦ: прошлое и настоящее» в рамках XVII

Международных Рождественских образовательных чтений, проводимых Отделом религиозного образования и катехизации Русской

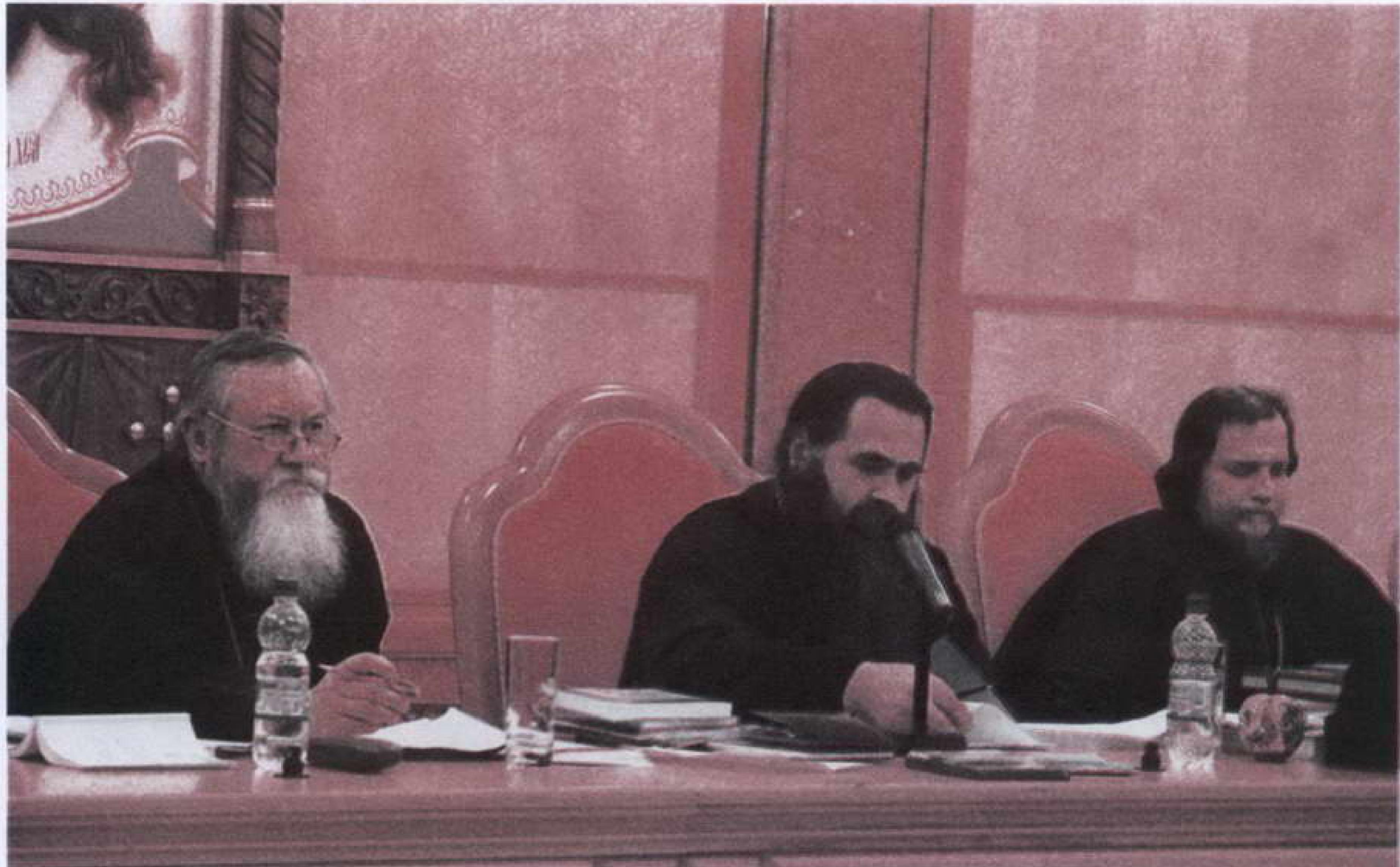

православной церкви Московского патриархата. Возглавил работу секции в третий раз за минувшие четыре года архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий.

Заседание секции началось в 10 часов утра в конференц-зале храма Христа Спасителя. После пения молитвы «Царю Небесный» приветственное слово сказал Высокопреосвященнейший Георгий. Затем последовали выступления докладчиков.

С первым докладом под названием «Анализ репертуара изданий Московского Печатного двора в свете предпосылок церковного

общего числа изданий, напечатанных во время правления Патриарха Иосифа. Книги эти, в основном южно- и западно-русского происхождения, были написаны видными богословами Захарией Копытенским, Иоанном Вишенским и Стефаном Зизанием. Непрерывная, длившаяся десятилетиями борьба украинского народа с унией и польским произволом, а также апокалиптические ожидания 1666 года наложили сильный отпечаток на богословские труды указанных авторов, которые были пронизаны острым предчувствием приближающегося конца света. Эти книги,

Президиум секции

раскола XVII века» выступил доктор теологии, священноиерей Иоанн Миролюбов, клирик Покровского храма в Рубцове города Москвы. Отец Иоанн привел подробные статистические данные по количеству и тематике изданий Московского Печатного двора во

времена предшествующие и последующие трагическим событиям раскола. Он указал на большую долю книг богословской тематики от

изданные накануне начала реформ патриарха Никона, имели немалое значение для формирования мировоззрения будущих участников тех трагических событий, воспринявшими происходящее как уже сбывающиеся эсхатологические ожидания.

Следующее слово было предоставлено Наталье Ивановне Сазоновой, кандидату исторических наук, доценту Томского государственного

педагогического университета автору недавно изданной монографии об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне на материалах Потребника и Часослова. В своем сообщении, основанном на данной публикации, Наталья Ивановна попыталась проследить за тем как изменялось сознание верующих в результате восприятия исправлений. По мнению выступавшей, измененные в том числе в грамматической части тексты (в особенности речь шла о глагольных формах) побуждали читателей и слушателей совершенно иначе вос-

го прославления преподобной благоверной княгини инокини Анны Кашинской. Торжества единоверцев 1909 года». Он рассказал о первом прославлении преподобной, ее последующей деканонизации и восстановлении почитания благоверной княгини инокини Анны и подробно остановился на участии единоверцев в торжествах 1909 года в городе Кашире, а также встрече в Санкт-Петербурге и Михайловской Слободе дарованных православным старообрядцам икон с частицами мощей святой угодницы.

Участники заседания

принимать те или иные события и переживания Священной истории, отдельных молитв и целых чинопоследований, что и привело в конце концов к непримиримому конфликту держателей дореформенных и исправленных чинов.

Третий докладчик — священник Михаило-Архангельского единоверческого храма села Михайловская Слобода Евгений Саранча выступил с сообщением «К 100-летию повторно-

Выступление секретаря Саратовской епархиальной комиссии по канонизации святых диакона Максима Плякина стало продолжением его прошлогоднего доклада о прославлении в лице святых новомучеников-единоверцев, пострадавших от богоборцев в 1930-е годы. В этом году отец диакон рассказал еще о четырех святых угодниках Божиих из единоверцев, сохранивших верность Христу даже до смерти в годы безбожных гонений.

Автор доклада выразил пожелание, чтобы жития святых новомучеников единоверцев получили бы как можно большую известность, что способствовало бы и распространению достоверной информации о самом Единоверии в общеправославной среде. Редакция «Правды Православия» планирует ряд публикаций о прославленных в лице святых единоверцах как по материалам отца диакона Максима, так и по другим источникам.

Следующей с докладом «Старообрядческие съезды и соборы и предсоборное движение Русской Православной Церкви начала XX века» выступила секретарь Культурно-просветительского центра «Преображение», преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института Екатерина Александровна Алексеева. Она рассказала о соборных началах старообрядчества и проведении многих съездов и соборов разными старообрядческими согласиями после дарования религиозных свобод императорским указом «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 году. Екатерина Александровна подробно осветила и работу Предсоборного Присутствия Русской православной церкви, проводившего свои заседания в течение 1906 года, в том числе его Шестого отдела, занимавшегося проблемами Единоверия и старообрядчества.

Кандидат исторических наук, преподаватель Московского духовного училища Русской православной старообрядческой церкви Роман Александрович Майоров рассказал о трудах

известного единоверческого деятеля второй половины XIX столетия санкт-петербургского единоверческого священника Иоанна Верховского в области экклесиологии. Тема идеального устройства Церкви была одной из главных для отца Иоанна, ей он посвятил немало письменных трудов, которые стали предметом анализа докладчика.

Кандидат богословия, настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в Строгино города Москвы протоиерей Георгий Крылов кратко рассказал о подготовлен-

ной им к изданию монографии, посвященной исследованию книжной справы богослужебных миней при патриархе Иоакиме. Отец Георгий сообщил о том, что в ходе работы он имел доступ к книгам и рукописям, имевшим на полях пометки справщиков, которые содержали ссылки на те или иные первоисточники. В отличие от исправлений, проведенных при патриархе Никоне, в ходе справы миней использовались и древние греческие тексты. Однако стремление справщиков было направлено к достижению того же ре-

зультата — сделать тексты более доступными для человека «нового времени», как выразился отец Георгий. Он указал и на то, что дореформенные тексты были рассчитаны на восприятие человеком Средневековья. В результате, как это отмечала и выступавшая ранее Н.И. Сазонова, произошел неизбежный мировоззренческий разрыв, приведший в полному непониманию сторонами друг друга. На последовавший после доклада вопрос из зала о

Доклад А.В. Знатнова

том, каким же должен быть верующий человек нашего времени, отец Георгий сказал, что видит церковность именно в рамках средневекового мировосприятия.

Кандидат психологических наук, протоиерей Владимир Елисеев представил доклад «Культурный феномен старообрядчества как объект историко-психологического исследования». В своем выступлении, используя цитаты из произведений писателей-классиков XX столетия Солженицына, Расputина, Солоневича, материалы периодических изданий, автор образным языком нарисовал словесный портрет старообрядца как трудолюбивого и крепкого хозяина, человека, для которого вера в Бога служит стержнем для его семейной, бытовой и общественной жизни.

Координатор Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Михаил Анатольевич Тюренков выступил с докладом на тему «Социально-богословский анализ современных православно-старообрядческих отношений: от экклесиологического антагонизма к содержательному диалогу». Взаимные отношения представителей Русской православной церкви Московского патриархата и старообрядческих согласий являются постоянным предметом исследований Михаила Анатольевича. Подобным исследованиям были посвящены и его выступления на предыдущих Рождественских чтениях. На сей раз автор дал сравнительную характеристику отношений представителей Русской древлеправославной церкви (РДЦ) и Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) к РПЦ МП. Согласно заключению докладчика, на данный момент позиция представителей РДЦ гораздо больше располагает к ведению содержательного диалога по устраниению межцерковных противоречий.

Историк и публицист Александр Викторович Знатнов в третий раз участвовал в работе секции и, как и в предыдущие годы, представил собравшимся доклад на интересную и малоизученную тему. На этот раз его сообщение касалось отмены клятв на старые обряды в 1929 году. 10 апреля 1929 года Указом № 59 Синод

под председательством патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) признал клятвы Собора 1666–1667 годов «яко не бывшими». Автор посвятил свое исследование предпосылкам, вызвавшим столь неожиданный указ. Согласно его версии, подкрепленной богатым набором подтверждений из ставших доступными ему источников, данное решение было принято митрополитом Сергием в ответ на просьбу старообрядцев-беглопоповцев получить трех законных архиереев для восстановления старообрядческой иерархии и восстановления дальнейшего канонического общения с Русской православной церковью. Об этом косвенно свидетельствует один из пунктов постановления Саратовского собора беглопоповцев, бывшего накануне принятия указа об отмене клятв, на котором присутствовал член Синода Рязанский архиепископ Ювеналий (Московский), который и вел переговоры с беглопоповцами. Докладчик упомянул еще немало интересных фактов, касавшихся этих событий, в частности, проведение Третьего единоверческого съезда в Нижнем Новгороде в 1927 году, работу которого возглавляли три оставшихся в живых единоверческих епископа: Мстерский Амвросий (Сосновцев), Керженский Павел (Волков) и Саткинский Вассиан (Веретеников). Рассказал также и о прошениях беглопоповцев о даровании им архиереев при Святейшем Патриархе Тихоне. Автор пообещал, что в значительно расширенном виде доклад должен быть опубликован в одном из периодических изданий.

После обеденного перерыва состоялся круглый стол по проблемам старообрядческих приходов Русской православной церкви, на котором имели возможность высказать свои мнения и предложения и пожелания как члены единоверческих общин, так и присутствовавшие представители общеправославных приходов и старообрядцы РПСЦ.

Работа секции завершилась в половине пятого вечера. Участники встречи имели возможность не только обсуждать доклады и имеющиеся проблемы, но и лично общаться друг с другом, что не менее важно.

ДРЕВНЕРУССКОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ

БЛАГОВЕРНОЙ КНЯГИНИ ИНОКИНЬИ АННЫ КАШИНСКОЙ

Посвящается 100-летию повторного прославления преподобной Анны в лице святых

(Продолжение)

АННА – КНЯГИНИЯ ТВЕРСКАЯ

Как не похожа была Тверь на родной Ростов с его красивыми церквами, монастырями, с благовестом многих колоколов, с тихим озером близ города, расположенного в уютном отдалении от «проезжей дороги» — Волги, главного торгового пути с русского севера на юго-восток!

Тверь — средоточие поволжской торговли, сбыта хлеба и всякого сырья в Новгород, Псков, Литву, Смоленщину... Людный торговый город. Тут заезжие купцы из приволжских княжеств и купцы-новгородцы, татары и ливонцы, псковичи, даже немцы. И множество всякого люда на берегу, на пристани, на торжище.

В Твери всякого добра было довольно, только одного мало — святынь. Каменный собор Спаса Преображения, недавно воздвигнутый на месте старой деревянной церкви святых Космы и Дамиана, был закончен, когда Михаилу исполнилось 15 лет. В летописи отмечено, что он вместе с матерью присутствовал на его освящении. Но в соборе не было гробницы ни одного святого князя, только покоялся прах отца Михаила — Ярослава Ярославича (брата Александра Невского), первого князя Тверского, отличавшегося нравом строптивым, своенравным и крутым; находились в соборе гробницы его двух сыновей от первого брака, из которых старший, Святослав, занимал тверской стол лет десять по смерти отца (с 1272 по 1282 или 1285 год, дата точно не установлена). В детстве, после

убийства татарами в Переяславле их матери, оба брата несколько лет протомились в татарском плена, что наложило на правление Святослава неизгладимый след нерешительности и постоянной оглядки: что хочет Орда? кому из князей она благоволит? Эта психология определила характер его правления.

Были в Твери три монастыря: женский Софийский монастырь, мужской Отрочь монастырь близ города при впадении реки Тверды в Волгу и мужской монастырь на реке Шоше. Но среди их насельников и насельниц еще никто не просиял святостью. Не было в Твери и чудотворных нетленных мощей тверских святителей, ни прославленных чудотворных икон. Епархию основали лет двадцать назад (не ранее 1271 года), епископ Андрей, венчавший Михаила и Анну, был вторым ее архиереем, тогда как святитель Игнатий, при котором родилась иросла Анна, был 15-м епископом Ростовским.

Тверь была городом сравнительно новым, еще недоустроенным, недоукрашенным, многими поколениями неожитым, и домонгольская старина не наложила на него неизгладимого следа, как на древний Великий Ростов, Сузdalь, Владимир или Новгород. Прошло 50 лет с тех пор, как возник самый Тверской удел. Дед Михаила — Ярослав Всеволодович выделил его из своей Сузdalьской земли и отдал сыну Ярославу Ярославичу, отцу Михаила. Тогда же стала Тверь заселяться и обстраиваться, преобразуясь из

скромного военно-торгового поселения в столичный город Тверского княжества.

Тверь была не похожа на Ростов. И жизнь тверская, и тверские князья, и нравы тверитян — все было здесь иное, Ростову даже противоположное.

Ростовские князья любили тихую, мирную жизнь и не только, чтобы она была мирна и тиха, но чтобы была она овеяна красотою благочестия. Любили храмы, внутри разубранные, «аки невеста», извне увенчанные золотыми куполами, золотыми крестами... любили благозвучный колокольный звон, стройное церковное пение: знали цену мудрой любознательности, религиозного просвещения, красивых людских отношений; могли побрататься с добрым иноплеменником; с воодушевлением строили храмы, почитали своих угодников и мирно колонизировали северное Заволжье. Отражение повышенной религиозной бытовой настроенности можно было предполагать и в житейском укладе, и нравах ростовского населения.

В Твери не то... Торговые интересы стояли на первом месте, часто, как всегда между людьми денег и наживы, у тверитян возникали ссоры-споры с соседями, вызывая, если надобилось, вооруженный отпор и натиск, то в защиту своих выгод, то в наказание за нанесенный ущерб.

В Тверской земле хватались за оружие без долгих размышлений по свойству своего характера, решительного и настойчивого. Молодое, полное сил военно-торговое княжество с задатками на будущий центр Руси. Тверь поддерживала культурные и торговые связи с Киевом, Царьградом, Афоном, получала оттуда книги, иконы, обменивалась посланцами и дарами; предприимчивые тверские купцы доходили по Волге до Кубани, Кавказа, Дербента, бывали в Пскове, Ливонии, Литве...

С Новгородом, ближайшим соседом и торговым клиентом Твери, распри бывали частые; временами — мир, но непрочный.

По старой традиции новгородцы обычно призывали к себе княжить владимирских князей. В этом достоинстве занимали стол дед и

отец Михаила — Ярослав Всеволодович и Ярослав Ярославич. Но у того и другого были жестокие столкновения с Новгородом. Оба князя не только спорили и ссорились с новгородцами, но даже воевали — водили на непокорный город свои полки, а Ярослав Ярославич призывал на помощь татар... В конце концов князья должны были почувствовать, что новгородцы — не чудь, не карелы, способны выполнять свои жесткие решения. Так восстали они на отца Михаила, Ярослава Ярославича в 1270 году, потому что он нарушил условия, на которых был призван в 1266 году. Новгородцы собрали вече, перечислили все правонарушения князя и заявили: «Не можем терпеть твоего насилия, поезжай от нас, а мы себе другого князя промыслим».

Тогда Ярослав Ярославич уступил им во всем, но новгородцы упорно: «Князь, поезжай прочь, не хотим тебя, а не то всем Новгородом пойдем прогнать тебя».

Ярослав Ярославич не сдался, стал собирать войско, призвал на помощь татар. До кровопролития дело не дошло благодаря вмешательству митрополита Киевского Кирилла II, пригрозившего Новгороду запрещением, если он не помирится с князем. Новгородцы уступили, а князь обязался впредь княжить по грамоте.

Эти запутанные отношения с северным соседом унаследовал и Михаил Ярославич. Сколько раз впоследствии новгородцы давали ему чувствовать, что старые счеты не забыты! Сколько раз пользовались они трудным или безвыходным положением молодого князя в его взаимоотношениях с Москвой, с Ордою.

А между тем с Новгородом Михаил был связан не только географическим соседством и торговыми интересами, но и кровно.

Мать его, княгиня Ксения Юрьевна, была новгородка. Брак Ярослава Ярославича с Ксенией Юрьевной был недолгий, всего лет восемь, и на нем лежала тень печали. Житие святого Михаила Тверского упоминает, что Михаил был «вымоленное дитя»; родились две дочери, но не было сына. Наконец, заветное желание осуществилось, но сын родился в

дни великой скорби и горьких слез матери. В 1271 году Ярослав Ярославич отправился в Орду и на обратном пути скончался (в схиме, приняв имя Афанасия). Ксения и епископ Симеон с боярами выехали принять тело покойного; привезли его в Тверь и похоронили в церкви святых Козмы и Дамиана.

Бездыханное тело князя на пути из Орды в Тверь... навстречу ему вдова (или мать), дети, бояре, духовенство, толпы народа... погребение в родной Твери – вся эта картина, увы, будет повторяться с неотвратимостью в первом, втором и третьем поколениях потомства Ярослава Ярославича с тою разницей, что последующие смерти будут насильственные...

Михаил родился в сороковой день по кончине Ярослава Ярославича. Он вырос под руководством матери, оказавшей на него глубокое влияние. Летописи отзываются о ней с почтительной похвалой, называют ее премудрой, блаженной, преподобной, отмечая тем самым высокий строй ее душевных свойств.

В житии Михаила упоминается, что Ксения воспитала его в страхе Божием, научила святым книгам и «всякой премудрости»; что Михаил был послушный сын, любил правду, был добр, щедр, нищелюбив, почитал духовенство и иноческий чин.

Святой благоверный великий князь
Михаил Тверской. Фрагмент
росписи храма Архангела Михаила

Имя Ксении упоминается в летописи рядом с именем Михаила и впоследствии, когда он управлял княжеством самостоятельно.

В 1289 году князь Михаил с матерью своею, великой княгиней Ксенией, послали игумена Андрея в Киев к митрополиту Максиму и «поставлен бысть епископом в Тверь».

В 1304 году митрополит Максим, стараясь примирить Михаила с племянником Юрием Даниловичем, заверяет Юрия именем княгини Тверской Ксении, что ее сын Михаил прибавит любой город к его московскому уделу, только бы в Орде избежать позора новой ссоры князей-родственников.

В 1305 году, после смерти митрополита Максима, мать и сын сообща стоят избрание в митрополиты всея Руси тверского ставленника Геронтия и спешат отправить его в Царыград.

Наконец, близость матери и сына запечатлел снимок с древнего изображения, хранившийся в ризнице тверского собора: мать и сын вместе держат тверскую крепость, как бы поручая город Богу.

Ксения приняла постриг с именем Марии в Софийском монастыре вскоре после брака сына. Она скончалась в схиме в 1312 году и была погребена в соборе Спаса Преображения – усыпальнице тверских князей.

От отца Михаил унаследовал твер-

дую волю, предприимчивость, нрав независимый и прямой – словом, ту типичную тверскую стать, которая так мало подходила к эпохе, требовавшей от государственного деятеля изворотливости, ухищрений, бдительной предусмотрительности.

Материнское влияние сказалось глубже, чем на характере. Мать воспитала его в крепкой православной вере, вселив любовь к Церкви, правде и верности велениям совести, но передала ему и чисто новгородскую черту – склонность хранить и защищать свои законные права, убежденность в том, что законное право неотъемлемо. Эта новгородская черта объяснила многое в поведении кн. Михаила. При таком понимании права оно часто для совести – правда, за которую надо бороться. В противоположность московским князьям (Андрею, Юрию, Ивану Калите) Михаил никогда не покушался на чужое, но он мог быть мстителен за свои попранные права, за нарушенный договор, за оскорбление, нанесенное его достоинству.

Однако Михаил не понимал, что никакого «права» у князей при монголах не было, и только изворотливостью, лукавством, подкупами, лестью, браками, угощениями, подарками можно было кое-как сохранить то, что по закону имеешь, и приобретать то, что по закону не имеешь права иметь.

Свою воинскую жизнь Михаил начал рано. Ему было 15 лет (1286 год), когда на Тверскую землю напали литовцы. Опасаясь их, на помощь Твери пришли все соседи: ржевичи, новоторжцы, москвичи и дружно врага прогнали. Это было боевое крещение князя-подростка.

Через два года (1288 год) Михаил действует как самостоятельный правитель. И неудачно. Своим подчеркнуто пренебрежительным отношением к новому великому князю Дмитрию Александровичу Михаил неопытный и заносчивый по молодости лет, не пожелав ехать во Владимир приветствовать великого князя, тем самым окончательно испортил и без того сложные отношения: обиженный Дмитрий с князьями-со-

юзниками повели полки на Тверь. Окончание известно. И вместе с тем, когда всеми покинутый и затравленный Дмитрий Александрович, лишенный владимирского стола и изгнанный из своего удела, искал последнюю защиту в Твери, Михаил великодушно его принял, постарался с помощью епископа Андрея примирить его с братом, великим князем Владимирским Андреем Александровичем, и отправил в родной Переяславль.

В событиях 1288 года сказалась вся натура Михаила. Наделенный многими положительными качествами, душевно одаренный, сильный, благородно отважный, он был, к сожалению, лишен важнейшего для правителя свойства – умения быстро и правильно ориентироваться, то есть видеть вещи, как они есть, применяться к обстоятельствам, как они создались, предвидеть последствия своих поступков... Супружеский союз с таким человеком мог быть счастлив, но само счастье не могло быть безмятежным, оно обещало тревоги, скорби, великие испытания.

Помимо них были просто большие беды – и с первого же года брака.

Свадьба была поздней осенью 1294 года, а весною на шестой неделе по Пасхе погорел «град Тверь весь», то есть пострадали почти все постройки.

Не успели отстроиться, через три года (1298 год) – новая беда... И опять на Пасху: в ночь на Фомино воскресенье загорелся княжий двор. «Загорещася сени... и с горе двор князя Михаила весь. Божией милостью пробудися сам князь Михаило и выкинулся с княгинею своею в окно, а сени полны княжат и боярченков спящие и много сторожей, и никто же не слыша ...се же чудо бысть, како Бог застути князя...» Сгорело все добро: оружие, одежда, казна...

И в тот же год была великая засуха и горели «леса, и боры, и болота, и мхи, и поля... и бысть нужа велия и бысть мор на скот». В довершение бед тяжко заболел князь. А в следующем году « знамения на небесах » – солнечное затмение – « огородилося бяше солнце грозно ».

Неприветливо, сурово встретила природа Анну, словно страхом и тревогами приуготовляя ее юную душу к предстоящим испытаниям. Долго ожидать не пришлось: то вспыхивая, то затихая, возникали споры между удельными князьями.

Спорили-ссорились из-за Переяславля, который достался по кончине Дмитрия Александровича его сыну Ивану, женатому на сестре Анны.

Ссорились князья в 1296 году на съезде во Владимире в присутствии ордынского посла, причем, не вмешайся епископ Симeon Владимирский, было бы кровопролитие.

Ссорились в 1301 году на съезде в Дмитрове, опять кое-как сговорились и разъехались по своим уделам.

Судя по именам участников, боролись сторонники великого князя Андрея и его противники, жестоко потерпевшие от его погромно-татарской политики или случайно уцелевшие, как Михаил Тверской. Во всяком случае тверской князь возглавлял противников. Это имело последствия...

В год свадьбы Михаил заключил договор с Новгородом: если приключилась бы «тягота от Андрея», или от татар, или от кого другого, Тверь и Новгород обязуются помогать друг другу.

Договор был ошибкой Михаила, преждевременно и без надобности он раскрыл свои планы, а именно: раболепствовать перед Ордою и ее сторонниками он не собирается, а в случае нападения намерен оказать сопротивление. Был договор и невыгоден: Михаил брал на себя обязательство, не будучи новгородским князем, участвовать в непрерывно воинственной внешней политике Новгорода – обязательство обременительное и лишенное реальной для себя выгоды.

Первые годы супружеской жизни Анны ничем, кроме указанных тревожных событий, не отмечены. Вероятно, ее личная жизнь текла монотонно-благообразно, как у тех «добрых жен», характеристика которых дана в «Измарагде», сборнике поучений XIV века, содержащем нормы добродетельной семейной жизни Древней Руси.

Покорная мужу, но разумная советница, кротко-молчаливая, по внешнему облику и поведению скромница, неутомимая молитвенница, заботливая и деятельная хозяйка, со служителями («домочадцами») справедливая, к нищим и убогим милостивая – вот положительные черты древнерусской «доброй жены».

Жизнь Анны-матери начинается на пятый год брака. В 1299 году родилась дочь Феодора (она скончалась во младенчестве), в 1300 году – сын Дмитрий, в 1301 году – Александр, в 1306 году – Константин, в 1309 году – Василий. Кроме этих дат, мы решительно ничего об Анне не знаем, а между тем именно в эти годы произошли важные, даже решающие события для судьбы Михаила, его семьи и Тверского княжества.

Начиная с 1303 года, одно событие следует за другим стремительно. В 1302 году скончался бездетный Иван Дмитриевич, завещав своему любимому дяде, Московскому князю Даниилу, свой Переяславль, тогда как по закону родового владения выморочный удел должен был вернуться в состав владимирских великокняжеских городов.

В 1303 году скончался Даниил Александрович, только что унаследовавший Переяславль от племянника.

В 1304 году скончался великий князь Андрей, то есть умерли все сыновья и младший внук Александра Невского. Таким образом Владимирское великое княжение неожиданно досталось Михаилу.

(Продолжение следует)

При подготовке публикации использованы материалы книги
«Святая благоверная великая княгиня Анна Кашинская. М.: «Лодья», 2004.

Редакция благодарит А.В. Роженкова за подготовку текста публикации

История Единоверия

Н. ЗИМИНА. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПУТЬ НА ГОЛГОФУ». ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА СИМОНА ЕПИСКОПА ОХТЕНСКАГО

(Продолжение)

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 4. ЕГО ВСЕ ЛЮБИЛИ

СОХРАНИЛИСЬ уникальные свидетельства верующих о епископе Симоне в его недолгое, чуть более года, архиерейство на Уфимской кафедре. Одно из них принадлежит дочери священномученика Евграfa Еварестова, протоиерея Уфимского кафедрального собора, расстрелянного по приговору Реввоенсовета Восточного фронта в декабре 1919 года, то есть за несколько месяцев до прибытия на кафедру Владыки. В 1920 году Анне Евграфовне было только 10 лет. «Приехал к нам в Уфу вместе с дочкой какой-то новый архиерей, – рассказывала она. Такой хороший, славный, такой приятный, – и жил он в Дубничках. (В Уфе был прекрасный архиерейский дом, но после революции его заняли под детскую больницу). Владыку этого очень все как-то сразу полюбили. Он всех как-то сразу объединил, и ребята сталиходить в церковь... Его все очень любили, и дети. Он очень хороший был».

Этому отзыву вторит уфимская инокиня Мария (Артемьева-Шапошникова), которой в то время было 16–17 лет:

– Каким епископ Симон был как человек? – К нему очень хорошо относилась паства. Он же такой величественный был... Вот Андрей был такой – как бы сказать?.. не могу выразиться – строгий, боязливый. А епископ Симон, поскольку он семьянин, невольно располагал всей душой...

Среди верующих быстро разнеслась весть о доступности нового епископа, его задушевности, умении вести беседы на понятном для всех языке, о его бессребреничестве. Держался

он очень просто. Одевался по-монашески строго, носил черный клобук и лестовку. Свидетельством мудрости Владыки, его любви к людям и уважения их чувств, умения идти на компромиссы ради церковного блага явилось то, что при всей своей преданности старому обряду, дабы не смущать и не вводить в искушение верующих, он крестился и благословлял троеперстием и служил по новому чину. Люди потянулись к его любящему сердцу.

Постепенно о епископе Симоне сложилось мнение как об «умеренном» церковном деятеле, умеющем при необходимости вести диалог с властями. Известно, что Владыка не страшился обращаться к ним, когда дело касалось готовящейся расправы над кем-либо. Иногда он вмешивался в случае каких-либо волнений – смягчал, успокаивал горячие головы. Протоиерей Григорий Шлеев, вспоминая об этом, добавлял, что Владыка напрасно так поступает, потому что подвергает свою жизнь опасности; быть может, иногда разумнее было бы отойти в сторону, но для Владыки Симона важнее было дать ответ Богу и ответ своей совести, а потом всему остальному. «Где паства – там и пастырь», – часто повторял он.

Бывшему клирику Уфимской епархии игумену Феофану (Кузьминых) о епископе Симоне в 1970-е годы рассказывала старушка-церковница Валентина Николаевна Иванова, у которой жил отец Феофан, тогда еще псаломщик Сергиевского собора Уфы. Была она глубоко верующим человеком; само за себя говорит то, что в 1960-е годы входила она в так

называемую «двадцатку» Сергиевского кафедрального собора Уфы. Валентина Николаевна была еще маленькой девочкой, когда в епархии служил Владыка Симон, но хорошо помнила и то время, и Владыку. Память Владыки она очень почитала и часто вспоминала о Святителе и его убийстве. «Валентине Николаевне, – рассказывал отец Феофан, – было тогда годков около десяти, она была еще совсем маленькой девочкой, так ее и называл епископ Симон: “маленькая девочка”. Жил он в Архиерейке, и она со своим батей частенько бывала в гостях у епископа дома. Владыка называл ее еще “девочкой с голубой косичкой”, так как ей часто вплетали в волосы голубую ленту, которая малышке очень нравилась. Валентина Николаевна помнила, как ходила с отцом в церковь и часто возвращалась после службы вместе с Владыкой (домой им было по пути), как у него дома пила чай. Он немного учил ее грамоте, чтению. Она очень хорошо о нем отзывалась. Владыка одаривал детей конфетами и пряниками – это она тоже запомнила».

Задушевной подругой Валентины Николаевны Ивановой была мама жительницы

Уфы Любови Васильевны Пугачевой. Последняя на всю жизнь запомнила звучавшие в их доме рассказы о епископе Симоне:

– Владыка Симон был строжайших таких правил, постник великий был, у него корки хлеба лишней, как говорится, не было, не то что запасов каких. Он был очень добрый, конечно. Почему он бедный-то был, потому что всю зарплату свою раздавал, всем помогал. Вот кто бы к нему ни пришел, он тут же поможет, отдаст, поэтому у него и не было ничего никогда. Он доходил до того, что последнее отдаст. Бывало, придут скажут: «Что же, Владыко, есть-то будем?» А он: «Да Бог поможет!» И действительно, соседи знали, что он такой, приходили: «Вот, Владыко, мы рыбку поймали и принесли», или еще кто что принесет, а он: «Ну вот и слава Богу, принесли – и хорошо». Он бессребреник был, конечно. И еще я думаю, почему на него было покушение – потому что он был большой проповедник, и к слову его, конечно, прислушивались. И где он служит, туда, как говорится, валом народ шел. Умел донести слово до народа, до сердца каждого. Притягательным был, как магнит притягивал.

ГЛАВА 5. УБИЙСТВО

НЕСПОКОЙНЫМ выдался в Уфе последний месяц лета 1921 года. Одно за другим 17-го и 18-го августа в городе произошло два громких убийства. О событиях тех дней расскажем сначала словами очевидца и активного участника событий – Владимира Павловича Деденко, работавшего в 1921 году в секретариате Уфимского ГубЧК (в 1960-е годы – подполковника в отставке).

«...Все началось неожиданно. В 12 часов дня раздался звонок... Вызывают по очень важному делу комиссара ЧК (он же старший следователь предварительно следственной части Уфимского ГубЧК) Маstryкова Михаила. Встреча состоялась в аллее парка Случевской горы... Какие-то доли минуты, и раздается предательский выстрел. Маstryков, истекая кровью, гибнет. Это убийство вызвало и тревогу, и особенную озабоченность чекистского

коллектива – значит, классовый враг не дремлет.

...Через сутки второе ЧП. На этот раз черный выстрел прозвучал уличной резиденции епископа Симона в Дубничках, на южной окраине города Уфы. Поздно ночью он возвращался из собора. В 15 метрах от ворот дома его встретили выходящие с узлами грабители. Два выстрела – и он убит. Преступники сняли золотой крест и два золотых кольца.

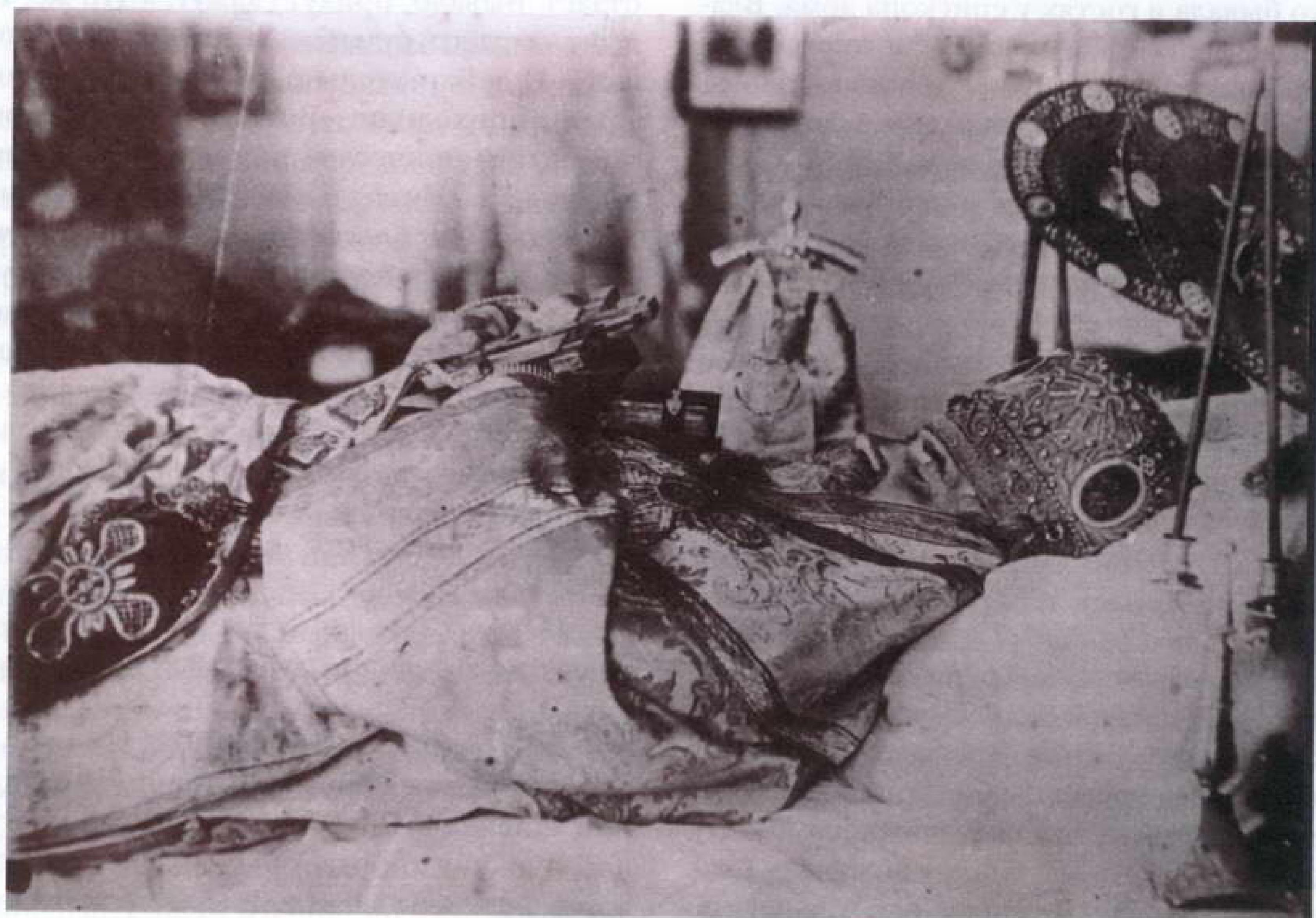
Чекист Василий Жигунов быстро известили руководство ЧК о случившемся, и на место срочно прибыла оперативная группа во главе с начальником отдела Уфимского ГубЧК Евгением Тучковым и его заместителями Павлом Пальговым и Иваном Полянским. Вскоре подъехала милиция, возглавляемая начальником уголовного розыска Александром Прохоровым». Началось следствие.

Страшная весть о гибели епископа быстро разнеслась среди верующих. Двенадцать раз ударили в соборный колокол, оповещая всех о кончине архиерея. Собралось городское духовенство, сбежался народ («чуть не весь город приехал», – вспоминала очевидца событий). Тело Владыки обмыли, одели в белое облачение и перенесли во Всехсвятскую церковь. Всю ночь над почившим читали Евангелие и служили панихиды.

На следующий день, 19 августа, в четыре часа пополудни гроб с телом Святителя, со-

вали, что на похороны Владыки собралось громадное количество народа. Прибыло все духовенство Уфимской епархии, тысячи верующих из разных мест. Для прощания с епископом Симоном успели приехать единоверцы из каких-то дальних городов. За порядком следила конная милиция. Люди были потрясены, искренне оплакивали Святителя. Анна Евграфовна Еварестова вспоминала: «Владыку убили, и всех его смерть страшно удивила. Так все плакали, все жалели его... А на похороны мы все ходили, но там не пройти было. И все

Владыка Симон на смертном одре

проводаемый огромной народной толпой, на руках был перенесен в Воскресенский кафедральный собор. 20 августа после Божественной заупокойной литургии был совершен чин отпевания.

«...Похороны состоялись почти одновременно: днем – товарища Мастрикова, а часом позже церковники и огромная толпа верующих хоронила епископа», – вспоминал Владимир Деденко. Верующие также свидетельство-

мы думали, почему же его убили, такой он хороший был... И были тогда какие-то грандиозные похороны. На них, кажется, даже из-за границы приезжали. Столько много было народу – и не-уфимцы даже, приезжие, были и из Москвы! Меня очень тогда удивило, сколько было народу. То были первые такие похороны, где я видела так много народу».

Погребен был Владыка в правом приделе кафедрального Воскресенского собора, прямо перед

алтарем. Могила его возвышалась над уровнем пола, на ней стоял крест, перед которым теплились разноцветные лампадки.

На месте злодейского убийства Святителя 40 дней служились панихиды и краткие литии об упокоении. Панихиды служились также в Москве и Петрограде; на 40-й день по убиенному епископу Симону служил Петроградский митрополит Вениамин, чреда мученичества которого настала на следующий год.

По одному из свидетельств, когда верующие обратились после убийства Владыки в милицию, то им ответили: «Ну и что, еще одного попа убили, какая разница – одним больше, одним меньше». Да, наверное, кощунственные насмешки и глумление над горем и скорбью действительно могли иметь место в то время со стороны представителей власти, но если говорить о следствии, то оно на самом деле началось очень быстро. Производи-

ли его, как рассказал подполковник В. Деденко, совместными усилиями сотрудники ГубЧК и милиции.

«Расследование показало, что [епископ] убит преступниками, – писал В. Деденко, – но реакционная часть духовенства пустила провокационный слух: “Владыка убит чекистами в отместку за убийство комиссара ЧК”... Среди верующих – волнение. Оно приняло массовый характер, с антисоветскими выкриками и угрозами. Фанатики “подбили” верующих на выход с протестом... И огромная толпа их из собора и Александровской церкви направилась к зданию Уфимского ЧК. В толпе были и бывшие белогвардейцы. Они кричали: “Зачем убили нашего владыку!?”»

Убийство вызвало взрыв возмущения в народе. В течение нескольких дней перед зданием ГубЧК собирались огромные толпы взволнованных людей, открыто проклинающих безбожную власть.

ГЛАВА 6. СЛЕДСТВИЕ. ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ

Итак, многие верующие были убеждены, что убийство Владыки Симона – это убийство политическое, инспирированное властями как месть за убитого комиссара ЧК Михаила Мастрюкова. Однако сами власти разрабатывали совершенно иные версии. Первой по времени появления стала версия о том, что Владыка Симон убит «реакционным духовенством» – сторонниками епископа Андрея (Ухтомского). Через четыре дня после убийства епископа, 23 августа, газета «Известия Уфимского губернского комитета РКП(б) и Губисполкома солдатских, рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» поместила следующее сообщение:

«В ночь с 18 на 19 августа в Уфе двумя выстрелами из револьвера убит епископ Уфимской епархии Симон.

Сам факт убийства наводит на некоторые размышления. Вряд ли подкладка убийства была чисто уголовного характера. Со-

мнительно, чтобы покойный стал жертвой обыкновенных бандитов, ибо против этого говорит и сама жизнь убитого и занимаемое им по-

ложение в обществе и его материальная обеспеченность.

Между тем законченный характер убийства слишком бьет в глаза на внешнюю, показную сторону.

Практика уголовного дела подтверждает, что убийство с целью грабежа вообще явление, не могущее быть подведено под рубрику обязанности и необходимости. Сама обстановка убийства говорит о том, что в данном случае не грабеж, не покушение на имущество есть подкладка убийства, а нечто совершенно иное, убийство ради убийства. Это предположение имеет под собой некоторые основания.

Вокруг личности покойного сложилась в последнее время атмосфера определенной враждебности. Епископ Симон принадлежал к той части духовенства, которая встала к Советской власти в лояльные отношения и в этом случае покойный занимал вполне выдержанную позицию. Его нельзя было упрекнуть в попытках дискредитирования Советской власти и тем более втайной или открытой

борьбе против существующего порядка. Он был живым выражением отделения церкви от государства. Мирные отношения власти и духовенства осуществлялись именно через Симона.

Но совершенно иначе смотрела на это реакционная часть духовенства и те, кто стояли за ее спиной.

Черный князь церкви, правая рука Колчака – епископ Андрей, оставил после себя значительное число своих сторонников как среди духовенства, так и среди остальной части общества, выражающих тайные и явные стремления отечественной контрреволюции. Сан епископа Симона, имевшего значительное влияние на прихожан, был объектом борьбы за кафедру и влияние.

Поскольку Симон был тверд в своем положении и поведении, станет ясно, какой смысл имело для реакционеров стремление “убрать” его.

Ведя двойную борьбу: против Симона и против пролетарской власти, для них было безразлично, какой способ выбрать для его устранения, лишь бы было создано известное впечатление. Убийство достигает двух целей: убирается препятствие, стоящее на пути их черных достижений и дается пища для возбуждения умов, благодаря особой обстановке самого убийства.

Разбитая контрреволюция действует своим любимым методом – провокацией».

Сенсацию подхватила газета «Уральский рабочий», выходившая в Екатеринбурге, практически дословно перепечатав в номере за 31 августа приведенный материал. Абсолютную беспочвенность этой версии признали вскоре и сами власти. Попытаемся, однако, ответить на вопрос: имелись ли какие бы то ни было, хотя бы призрачные основания для ее выдвижения? Ответ может быть только один: ни малейших.

Во-первых, Владыка Симон являлся епископом Охтенским и

лишь временно исполнял обязанности Управляющего Уфимской епархией. Он непременно должен был выехать из Уфы по возвращении Владыки Андрея.

Во-вторых, в описываемый период времени Владыка Андрей все еще пребывал в заточении. Как известно, с 28 декабря 1919 и до 24 октября 1920 года он находился под следствием Омской ЧК, а с октября 1920 до июля 1922 года – под следствием Московского ревтрибунала и сидел в Бутырской тюрьме. В Уфу Владыка вернулся только в ноябре 1922 года. О его освобождении властями летом 1921 года речи не шло. В этой ситуации гибель Святителя Симона могла привести – и привела на самом деле – лишь к назначению на Уфимскую кафедру других архиереев. С августа 1921 года епархией управлял викарный епископ Златоустовский Николай (Ипатов), в конце февраля 1922 года передавший управление, по благословению Святейшего Патриарха Тихона, епископу Борису (Шипулину); Преосвященный Борис управлял епархией до самого своего ареста, последовавшего 18–19 октября того же года, когда управление епархией вновь перешло к Преосвященному Николаю. 4 ноября в Уфу вернулся Владыка Андрей, которому в середине ноября епископ Николай и передал управление епархией, однако, как вскоре оказалось, недолго: 9 декабря 1922 года Владыку Андрея вновь арестовали и выслали в центр.

Появление столь кощунственной и в то же время бессмысленной даже с формальных позиций версии позволяет предположить, что убийство епископа Симона планировалось как способ посеять смуту и раздор внутри Церкви, дискредитировать личность глубоко почитаемого в епархии епископа Андрея, очернить его в глазах духовенства и верующих и даже, более того, как средство убрать ненавистного епископа и сторонников его ярко выраженной непримиримой позиции по от-

Местная жизнь. Убийство Епископа Симона.

В ночь с 18 на 19 августа в г. Уфе, двухместными на роллерами, убит Владыка Уфимский Епископ Симон. Самый факт убийства неизвестен из-за некоторой разногласия. Предлагается версия, что убийца был членом упомянутого террора. Сомнительно, чтобы определенный член террора, имеющий обличиями бандита, где-то прятал этого человека в своем жилище убийца и занималась им поклонением в храмах и его изображениях обстановке.

Между тем, имеющиеся первые убийства описаны были в газете, как нападение на старца.

Церковь упомянутого для подтверждения, что убийца в том виде, который описан в газете, быть подозреваемым в убийстве, должна обладать убедительной говорить на то, что в данном случае это грабеж, не покушение на убийство, есть подозрение убийства, а есть же вполне ясно, что убийство ради раздора.

Оно предположено также под видом политических симпатий.

Вокруг казенного пособника генерала и организатора атмосфера предвзятости зря работает. Важно! Скажу прямолинейно: в той части генеральства, которая готова к С. падению в ближайшее время и в этом случае появится новый начальник, то есть генерал-губернатор Симон, никак, в том числе, в той или иной форме, борьба против существующего порядка. Он был из тех, кто, возможно, хотели изгнать из Церкви и государства. Мирные способы избавления от него и уничтожение членов семьи Симона. Но совершенно ясно, что если из-за рабочих причин, а не

Газетное сообщение о смерти

Владыки Симона

ношению к советской власти, использовав обвинение в убийстве. Известно, что эта версия тщательно прорабатывалась ЧК: было много арестов среди сторонников Владыки

Андрея. И все же от этой версии властям пришлось отказаться за ее полную несостоятельность.

ГЛАВА 6. СЛЕДСТВИЕ. ВЕРСИЯ ВТОРАЯ

ВТОРАЯ версия властей, достаточно быстро ставшая основной, заключалась в том, что произошло обыкновенное ограбление, совершенное «уголовной бандой Лазаревых». Обратимся вновь к воспоминаниям подполковника В.П. Деденко – материалам, которые хранились в его личном архиве и являются уникальным источником «чекистского» видения событий.

«Расследование по линии милиции Уголовного розыска шло своим чередом. В эти напряженные дни переговоры по телефону из ЧК с работниками милиции участились. В один из дней в телефонной трубке прозвучал радостный голос начальника уголовного розыска:

– Докладывает Прохоров. Мы напали на след. К убийству и ограблению епископа причастна группа местных уфимских уголовников во главе с Васькой Лазаревым. Они в ту же ночь выехали из Уфы в Самару.

– Да, это приятная новость, – отвечает Д.М. Чудинов, заместитель председателя Уфимской ГубЧК. – Направляю вам, товарищ Прохоров, на оперативную помощь двух наших чекистов, которые давно поговаривают о переходе на милиционскую работу в уголовный розыск.

Не прошло и трех дней после этого разговора – раздался новый звонок по телефону. Звонил начальник Уфимской губернской милиции товарищ Симонов председателю ГубЧК Галкину:

– Докладываю вам: только что приехал из Самары заместитель начальника уголовно-

го розыска Козлов. Он привез нам то, что мы искали – краденые вещи и ценности, принадлежавшие епископу Симону.

– Вот это приятная новость! А убийца задержан?

– Да, они сейчас в Самаре. Наши уфимские работники милиции в контакте с самарской милицией сработали оперативно.

– Большое спасибо за такую новость. Прошу вас, товарищ Симонов, срочно пришлите нам фотографии – 10 экземпляров большого размера, чтобы отчетливо были видны личные вещи и ценности убитого Симона, и отдельно сфотографируйте трех бандитов, участников этого злодейского убийства. Это очень важно, мы в Уфе организуем выставки у Кафедрального собора и у других церквей Уфы.

Такая выставка была организована. Все это было сделано и внесена большая ясность – к убитому Симону чекисты не имеют никакого отношения». Власти немедленно сообщили взбудороженному населению, что в Самаре задержали лиц, подозреваемых в совершении преступления, при которых были найдены краденые вещи, принадлежавшие убитому епископу. «Выставка в Уфе этого имущества и фотографий задержанных убийц сразу изменили обстановку, – вспоминал бывший чекист. – Церковники притихли, успокоилось население. Осада здания ЧК мгновенно была прекращена. Милиция быстро и оперативно сумела раскрыть убийство епископа и доказать, что чекисты к нему не имеют никакого отношения».

(Продолжение следует)

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В АПРЕЛЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
1	среда	17:00	Служба Великого канона. «Мариино стояние»
2	четверг	07:00	Божественная Литургия Преждеосвященных Даров
3	пятница	17:00	Утрена. Служба Похвалы Пресвятая Богородицы
4	суббота	07:00	Божественная Литургия
		15:00	Всенощное бдение
5	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Преподобной Марии Египтянини
6	понедельник	15:00	Всенощное бдение
7	вторник	07:00	Божественная Литургия. Благовещение Пресвятая Богородицы
10	пятница	07:00	Божественная Литургия Преждеосвященных Даров
11	суббота	07:00	Божественная Литургия. Лазарева Суббота
		15:00	Всенощное бдение
12	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Вход Господень во Иеросалим
16	четверг	07:00	Божественная Литургия. Великий Четверг
		17:00	Служба Страстей Христовых
17	пятница	07:00	Царские Часы
		14:00	Вечерня. Вынос Плащаницы
		17:00	Служба Боготелесного Погребения Господа Иисуса Христа
18	суббота	07:00	Божественная Литургия. Великая Суббота
19	воскресенье	00:00	Светлое Воскресение Христово – Пасха Христова. Пасхальная заутрена. Божественная Литургия
20	понедельник	07:00	Божественная Литургия. Светлый Понедельник
21	вторник	07:00	Божественная Литургия. Светлый Вторник. Иконы Пресвятая Богородицы Одигитрии
22	среда	07:00	Божественная Литургия. Светлая Среда
23	четверг	07:00	Божественная Литургия. Светлый Четверг
24	пятница	07:00	Божественная Литургия. Светлая Пятница
25	суббота	07:00	Божественная Литургия. Светлая Суббота
		15:00	Всенощное бдение
26	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о Фоме
27	понедельник	17:00	Панихида
28	вторник	07:00	Божественная Литургия. Радоница

*Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила
ежедневно совершается полунощница в 7:00, а также вечерня и павечерница в 17:00.
В расписании возможны изменения.*

Издание Михаило-Архангельской Единоверческой общины

Главный редактор: св. игумен Иринарх
Ответственный за выпуск: свящ. Е. Саранча

Заведующий производством: диакон И. Краев
Корректор: А. Титова

Телефон редакции: (495) 510-51-81
E-mail: edinoverie-sloboda@ya.ru

*Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды
воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.*

*Дорогие читатели, нижайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания,
не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения
и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятая Богородицы и святых угодников Божиих.*

*Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно,
Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.*